

Взаимообогащение или «утечка мозгов»?

Анализ международной студенческой мобильности на примере России и Германии

Савельчев Л. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; lsavelchev-17@edu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Целью исследования является изучение феномена «утечки мозгов», формирующегося в ходе международной студенческой мобильности.

Методы. В качестве ответа на исследовательский вопрос «Какое влияние оказала международная студенческая мобильность между Россией и Германией на формирование «утечки мозгов» из России?» была выбрана качественная методология. Методами исследования выступают сравнительно-исторический метод (философская компаративистика) и метод кейс-стади. Сбор данных опирается на статистические и информационно-аналитические данные, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет.

Результаты. В ходе исследования было выявлено, что международная студенческая мобильность между Россией и Германией носит неравномерный характер: количество российских студентов, ежегодно обучавшихся в Германии с 2013 по 2020 г., почти в 30 раз превышало количество немецких студентов, находящихся в России. Более того, 47% российских студентов, получивших разрешение на обучение в Германии с 2006 по 2011 г., спустя 10 лет все еще находились в ФРГ по разным основаниям, включая натурализацию.

Выводы. Во-первых, международная студенческая мобильность между Россией и Германией не способствует взаимному обогащению друг друга (то есть «циркуляции умов»), а скорее играет роль в оттоке интеллектуальных ресурсов для первой и прироста квалифицированной рабочей силы для второй, что свидетельствует о развитии феномена «утечки мозгов» из России. Во-вторых, различие в уровне социально-экономического развития и особенностях политической системы в России и Германии могут объяснять высокий спрос на немецкое высшее образование среди российских студентов и, в то же время, бесперспективность и непривлекательность российского высшего образования для немецких студентов. Также в качестве результата исследования автором выдвинуты рекомендации по укреплению технологического суверенитета России, преумножению и сохранению ее интеллектуального капитала.

Ключевые слова: студенческая мобильность, высшее образование, мягкая сила, утечка мозгов, миграция, Россия, Германия

Для цитирования: Савельчев Л. А. Взаимообогащение или «утечка мозгов»? Анализ международной студенческой мобильности на примере России и Германии // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 121–141.

Mutual Enrichment or Brain Drain? The Analysis of International Student Mobility in the Cases of Russia and Germany

Leonid A. Savelchev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; lsavelchev-17@edu.ranepa.ru

ABSTRACT

Purpose. The study addresses the phenomenon of brain drain developing via international student mobility.

Methods. In order to address the research question “What impact has international student mobility between Russia and Germany had on the formation of the brain drain in Russia?” a qual-

itative methodology was applied with the comparative historical method (philosophical comparativism) and the case study. In terms of data collection techniques, document and Internet-based research was primary used.

Results. First and foremost, the research revealed that international student mobility between Russia and Germany is imbalanced: the number of Russian students studying in Germany from 2013 to 2020 was almost 30 times higher than the number of German students coming to Russia. Furthermore, 47% of the Russian students who were permitted to study in Germany from 2006 to 2011 were still there 10 years later on various reasons, including naturalisation.

Conclusions. Firstly, international student mobility between Russia and Germany does not contribute to the mutual enrichment of each other (brain circulation), but it rather plays a significant role in the brain drain formation of the former and the brain gain of the latter. Secondly, the difference in the level of socio-economic development and features of the political systems in Russia and Germany may explain the high demand for German higher education among Russian students and, at the same time, futility and unattractiveness of Russian higher education for German students. As an outcome, the author proposes recommendations for strengthening Russia's technological sovereignty, multiplying and preserving its intellectual capital.

Keywords: student mobility, higher education, soft power, brain drain, migration, Russia, Germany

For citing: Savelchev L.A. Mutual enrichment or brain drain? The analysis of international student mobility in the cases of Russia and Germany // Administrative consulting. 2023. N 7. P. 121–141.

Введение

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, трансформацией современной экономики, влияющей на формирование спроса на рынке труда. В мире усиливается спрос на высшее образование, поскольку квалифицированные специалисты становятся необходимостью в условиях неопределенности меняющейся экономики и требований технологического прогресса¹. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), уровень занятости молодых людей (от 25 до 34 лет) с высшим образованием в 2021 г. был на 8% выше, чем у тех, кто получил полное среднее образование, и на 26% выше, чем у тех, кто получил образование ниже среднего². В 2019 г. страны ОЭСР инвестировали в среднем 18 тыс. долл. на одного студента в год на уровне высшего образования, а в отдельных странах, как Люксембург, Норвегия, Швеция, Великобритания и США, инвестиции составили более 25 тыс. долл.³

Во-вторых, ростом международной студенческой мобильности, являющейся средством накопления культурного капитала и фактором, способствующим перспективам трудоустройства и адаптации в межкультурном сообществе. Так, число студентов, получающих высшее образование за пределами своей родины, увеличилось с 0,8 млн чел. в 1975 г. до 6,4 млн студентов в 2020 г⁴. Вовлечение студентов-мигрантов реализуется через различные государственные механизмы: начиная от реализации стратегий «мягкой силы» с помощью стипендиальных программ и заканчивая репатриационной политикой и последовательной работой с соотечественниками, проживающими за рубежом [28, с. 11].

В-третьих, неравномерностью миграционных потоков квалифицированной рабочей силы на «Запад» из не западных стран (Восточной Европы, Африки и Азии),

¹ Education at a Glance 2022: OECD Indicators // OECD Library. P. 62 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/3197152b-en.pdf?expires=1684584827&id=id&accname=guest&checksum=316E3C1F5E32A87DB0A4F9EFDB71AE61> (дата обращения: 13.05.2023).

² Ibid., p. 62.

³ Ibid., p. 238.

⁴ International student mobility // Wissenschaft weltoffen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wissenschaft-weltoffen.de/en/data/> (дата обращения: 20.05.2023).

предпосылки которых тесно связаны с наследием колониального господства США и Великобритании [28, с. 11]. Страны ОЭСР являются территориями с наибольшим притоком «мозгов»: там сосредоточено до 85% высокообразованных мигрантов со всего мира [19, с. 138]. Преимущественное движение человеческого капитала из малоразвитых и развивающихся стран в развитые является одним из факторов увеличения миграции, в частности количество мигрантов с 153 млн в 1990 г. выросло до 280 млн в 2020 г.¹

Сосредоточение квалифицированной рабочей силы в развитых регионах мира ведет к усилению борьбы за интеллектуальные ресурсы и способствует экономической и технологической зависимости малоразвитых и развивающихся стран [7, с. 135]. Исследования показывают положительные моменты от миграции высококвалифицированных специалистов для граждан стран с высоким уровнем эмиграции, а также для самих мигрантов, поскольку их уровень дохода возрастает от 40 до 75 тыс. долл. в год. При этом страны происхождения мигрантов получают наименьшую выгоду от эмиграции, неся фискальные потери от 6 до 17 тыс. долл. за одного индивида в год [18, с. 31]. Также «утечка мозгов» приводит к деградации национальных образовательных систем: около 20 стран потеряли почти треть или даже половину университетского образования, среди них Ливия, Сомали, Камбоджа, Афганистан, Гонконг и Ирландия [19, с. 138].

В данной работе автором предпринята попытка провести анализ статистических данных международной студенческой мобильности между Германией и Россией. Выбор кейсов обусловлен тем, что в первые два десятилетия нынешней эпохи Германия занимала лидирующие позиции в качестве важнейшего образовательного направления среди российских студентов и партнера для российских вузов (до февраля 2022 г.)².

Цель исследования состоит в изучении феномена «утечки мозгов», формирующегося в ходе международной студенческой мобильности.

Задачи исследования:

- определить понятие и классификацию международной студенческой мобильности;
- выявить место международной студенческой мобильности в теории социальной мобильности, концепции «мягкой силы», а также ее роль в формировании «утечки мозгов»;
- проанализировать статистические данные международных студенческих потоков между Россией и Германией;
- провести критический анализ того, насколько показатели социально-экономического и политического развития России и Германии могут влиять на приток международных студентов, быть следствием «утечки мозгов» и диспропорции в студенческих потоках.

Объектом исследования выступает феномен международной студенческой мобильности.

Предметом исследования является международная студенческая мобильность между Россией и Германией.

Исследовательский вопрос состоит в следующем: какое влияние оказала международная студенческая мобильность между Россией и Германией на формирование «утечки мозгов» из России?

¹ Population Division. International Migrant Stock 1990–2020 // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения: 12.02.2023).

² Многолетнее взаимовыгодное партнерство // Посольство России в Федеративной Республике Германия [Электронный ресурс]. URL: <https://russische-botschaft.ru/ru/information/dvustoronnie-otnosheniya/sotrudnichestvo-v-oblasti-obrazovani/mnogoletnee-vzaimovuygodnoe-partnyors/> (дата обращения: 24.02.2023).

В качестве **теоретической основы** исследования выступают теория социальной мобильности Питирима Сорокина [10], а также определение и классификация международной студенческой мобильности по Оксане Мартыненко [6], Джоанне Уотерс и Рэйчел Брукс [28]. В работе рассматривается связь международной студенческой мобильности и феномена «утечки мозгов» на основе исследования Невены Красули, Милицы Благодоевич и Иваны Радоевич [19], а также роль международной студенческой мобильности в качестве составляющей «мягкой силы» на основе неолиберальной концепции Джозефа Ная [24; 25; 26].

Литературный обзор

Концептуальные основы социальной мобильности разработал Питирим Сорокин в 1927 г., определив социальную мобильность как «переход индивида или социального объекта (ценности)... из одной социальной позиции в другую» [10, с. 373]. По Сорокину, существует два основополагающих вида мобильности: горизонтальная и вертикальная [10, с. 373]. Первая подразумевает движение индивида на одном уровне социального пласта в различных измерениях: территориальном, политическом, религиозном или семейном без изменения социального слоя (например, смена одного гражданства на другое), а вторая предполагает изменение социальной иерархии и профессионального статуса индивида, которое может быть как восходящим (например, с позиции штатного врача до главврача поликлиники), так и нисходящим (например, со среднего класса до уровня люмпенов) [10, с. 374–375]. Также Сорокин выделяет интенсивность (скорость) и всеобщность вертикальной мобильности: интенсивность — это количество социальных пластов и затраченных временных единиц, необходимых индивиду для продвижения по социальному лифту; в свою очередь всеобщность представляет собой количество индивидов, изменивших свое социальное положение за определенный промежуток времени. Абсолютное значение таких индивидов дает абсолютную всеобщность вертикальной мобильности в рамках территориального образования (например, страны), а пропорция абсолютной всеобщности к генеральной совокупности населения дает относительную всеобщность. Вместе интенсивность (скорость) и относительная всеобщность составляют совокупный показатель вертикальной мобильности в той или иной сфере исследуемой территориальной единицы, который можно использовать в качестве сравнительного критерия двух и более территориальных единиц [10, с. 376].

Исходя из сказанного, международная студенческая мобильность представляет собой горизонтальный вид мобильности, прежде всего в территориальном измерении, поскольку происходит движение индивидов из одной страны в другую без изменения социального положения. По территориальному признаку, Джоанна Уотерс и Рэйчел Брукс классифицируют международную студенческую мобильность как «большую» (big) и «транснациональную» (transnational), подразумевающую мобильность на дальние расстояния с пересечением границ между странами на основе специальных миграционных разрешений (например, визы, вида на жительство или гражданства) [28, с. 4].

Оксана Мартыненко определяет международную студенческую мобильность в качестве инструмента, способствующего повышению эффективности образовательного процесса, формированию глобальной научно-образовательной сети и приумножению человеческого капитала [6, с. 65]. Из этого, в частности, следует, что студенческая мобильность может влиять на изменение социального положения и профессионального роста индивидов, что дает право рассматривать международную студенческую мобильность в качестве инструмента, влияющего на движение по вертикальной оси. Мартыненко классифицирует международную студенческую мобильность по признаку направленности: прямая и обратная [6, с. 66]. Прямая предполагает отток своих

студентов за рубеж, в свою очередь, обратная подразумевает приток иностранных студентов на свою территорию. В англоязычной литературе существует схожая типология: например, Уотерс и Брукс подразделяют студенческую мобильность на «входящую» (incoming mobility) и «исходящую» (outgoing mobility) [28, с. 10], но и в обоих случаях — и отечественном, и в зарубежном подходах этимологический смысл один и тот же¹.

В свою очередь основными участниками международной студенческой мобильности являются международные и/или иностранные студенты. Как отмечают Уотерс и Брукс, зачастую эти понятия взаимозаменяют, но если проводить различия, то иностранные студенты, будучи международными, могут быть долговременными жителями принимающей страны или родившимися в ней, не имея гражданства [28, с. 5]². В данной работе эти понятия будут использоваться в качестве синонимов, а за основу будет взято понятие международных студентов, предложенное ЮНЕСКО: лица, покидающие страну своего происхождения (резидентства), и выезжающие в иностранное государство с целью обучения в рамках программ высшего образования³.

Согласно международному стандарту классификации образования, к категории tertiary education (с англ. яз. — высшее, академическое образование) относятся: краткосрочные образовательные обмены (short-cycle tertiary education), бакалавриат (bachelor's), магистратура (master's) и докторантура (Doctoral, PhD) или их эквиваленты⁴. Также из этой классификации следует, что существует две основные формы (типа) международной студенческой мобильности: краткосрочная мобильность, предполагающая временное обучение в иностранном университете — от 1 до 2 семестров (credit mobility), и полное образование, целью которого является получение диплома о высшем образовании (degree mobility). В данной работе будут проанализированы данные перемещений иностранных студентов всех уровней и форм высшего образования.

С географической точки зрения мобильность и миграция являются синонимами, поскольку и то и другое представляет собой территориальное перемещение. При этом, как отмечают Уотерс и Брукс, сами международные студенты часто рассматриваются в качестве «проектов государства» (projects of state), т. е. по сути являются инструментами государственной политики принимающей страны [28, с. 131]. При этом стоит отметить, что многие государства рассматривают международных студентов скорее как долгоиграющих туристов, нежели иммигрантов [28, с. 134], хотя потенциально они все ими являются, поскольку при определенных условиях могут быть интегрированы в иностранное общество в процессе обучения или после

¹ Помимо incoming и outgoing в идентичном значении используются такие понятия, как inbound и outbound: например, см. определения на сайте статистической базы студенческой мобильности Project Atlas [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iie.org/research-initiatives/project-atlas/explore-data/russia-2/> (дата обращения: 20.05.2023).

² В России эти понятия используются в качестве синонимов, а в Германии международных студентов подразделяют на две категории: студенты-нерезиденты (не имеют немецкого гражданства, получили школьное образование за пределами Германии и/или завершили подготовительный курс для поступления в немецкий университет) и студенты-неграждане (не имеют немецкого гражданства, имеют квалификацию для получения высшего образования или завершили обучение в немецкой школе, или сдали тест для одаренных студентов). Источник: Project Atlas [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iie.org/research-initiatives/project-atlas/explore-data/germany-2/> (дата обращения: 20.05.2023).

³ Internationally mobile students // UNESCO: Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://uis.unesco.org/en/glossary> (дата обращения: 20.05.2023).

⁴ International Standard Classification of education (ISCED), 2011 // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/education/isced-2011-operational-manual-9789264228368-en.htm> (дата обращения: 12.02.2023).

его завершения. Как точно подчеркивает Мария Троянская, образовательная мобильность наиболее идеальный вид миграции, поскольку основу целевой группы составляют молодые люди с высоким потенциалом адаптивности к новому окружению, знаниям и иностранной культуре [13, с. 357]. По этим причинам миграционная политика в отношении международных студентов может сильно отличаться: например, в Канаде после окончания обучения иностранцы вправе продолжить жить в стране, в то время как в Великобритании к иностранным студентам относятся как «враждебному окружению» (*hostile environment*), особенно это проявилось во время пребывания на посту Терезы Мэй, когда иностранные студенты были представлены в ложном свете как загостившиеся нелегалы (*intentional overstayers*). Хотя после Брексита и ужесточения пограничного контроля выяснилось, что 97% иностранцев покидают «Туманный Альбион» по завершении обучения, что стало «сюрпризом» для Британского правительства [28, р. 134–135], похоже, переоценившего привлекательность своей страны.

С позиции теории международных отношений (МО) международная студенческая мобильность может быть объяснена через призму либеральной школы МО. В частности, свобода рынка, углубление глобализации, удешевление трансатлантических воздушных перевозок и развитие информационно-коммуникационных технологий привели к увеличению роста мобильности населения, в том числе и образовательной [17, с. 194].

Особое значение в этой связи приобретает неолиберальная концепция «мягкой силы» Джозефа Ная, появившаяся в 1990 г. [23]. Согласно Наю, добиваться внешнеполитических целей можно не только при помощи традиционных («жестких») государственных ресурсов, институтов и инструментов, основанных на насилии и принуждении (например, армии и экономических санкций), но и кооптивных («мягких») средств, реализующихся за счет убеждения и привлекательности своей культуры, политических ценностей и государственной политики [25, с. 31]. Высшее образование, являясь элементом культуры, занимает системообразующую роль в мобилизации «мягкой силы» государств, поскольку способствует налаживанию долгосрочных отношений с «ключевыми лицами» посредством «эффекта просачивания» (*trickle-down effect*) [25, с. 102] или передачи культуры, идей и ценностей [25, с. 109]. Как отмечает Най, с окончания Второй мировой войны США обучили более 750 млн иностранных студентов по всему миру [26, с. 96], среди которых такие известные политики, как премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, канцлер Федеративной Республики Германия Гельмут Шмидт и президент Египта Анвар Садат [25, с. 109]. Основная позиция Ная состоит в том, что после обучения в США иностранные студенты вернутся в страну своего происхождения с лучшим пониманием США, ценностей и идей этой страны, а если студент займет должность в эшелонах политической власти своей страны, то это и вовсе может способствовать лояльной политике в соответствии с интересами Белого дома [25, с. 12–13]. Наиболее часто упоминаемым результатом «эффекта просачивания» идей демократии или «политического поцелуя смерти» США [26, с. 101] через студенческие обмены Най называл развал СССР [24, с. 14; 25, с. 46; 26, с. 96]. В частности, он пишет, что те идеи, которые были подхвачены Александром Яковлевым во время обучения в Колумбийском университете в 1958, нашли отражение в политических реформах его соратника Михаила Горбачева, приведшие к дезинтеграции государства [24, с. 14].

Как показывают исследования Кэрол Эткинсон [14], Анн Кроули-Виньо, Андрея Байкова и Елены Калужновой [16], международная студенческая мобильность действительно может являться эффективным инструментом государств по формированию и изменению политико-идеологических установок студентов: будь то либерализация авторитарных государств [14, с. 17] или выравнивание взглядов студентов

в соответствии с политической повесткой принимающей страны [16, с. 133–134]. Безусловно, формирование сети влиятельных выпускников, управление (манипуляция) мировоззрением студентов и проецирование культуры, идей и ценностей являются не единственными функциями образовательных обменов. Помимо прочего, международная студенческая мобильность способствует формированию имиджа и деловой репутации государств [15, с. 56]; привлекает квалифицированных специалистов для развития национальной экономики и создает крепкие партнерские связи [27, с. 66]. А также играет роль в формировании научно-образовательных сетей и стимулировании движения глобальной рабочей силы [9, с. 59]. Все это различные проявления «мягкой силы» государств — индивидуальные, направленные на достижение собственных интересов, или кооперативные, направленные на разделение общих интересов.

Процессы глобализации и интернационализации высшего образования¹ привели к размыванию территориальных границ государств, упрощенным миграционным требованиям на передвижение и, как следствие, к неравномерным миграционным потокам и формированию оттока населения в одних регионах, и притока рабочей силы в других. В особенности это касается диспропорции территориальной мобильности между развитыми и развивающимися странами: люди едут из развивающихся в развитые страны для поиска лучшей жизни — высокой зарплаты, работы, профессионального опыта и качественного обучения [7, с. 135]. При этом последствия миграции между развивающимися и развитыми странами зачастую играют негативный эффект для первых и выигрышный для последних, поскольку уехавшие граждане остаются в более развитых регионах, способствуя их экономическому развитию [2, с. 133].

Согласно международной стандартной классификации занятий (МСКЗ, 2008 г.), существует четыре уровня классификации труда: первые два уровня относятся к простому физическому труду, не требующему образования выше среднего или средне-специального; к третьему и четвертому уровню классификации относится сложный умственный труд, требующий специальных знаний и навыков в определенной профессиональной области, и предполагающий обучение в высшем учебном заведении от 1 до 3 лет для третьего уровня и от 3 до 6 лет для четвертого уровня. Иными словами, к третьему уровню труда относятся квалифицированные, а к четвертому уровню высококвалифицированные специалисты. Как отмечает Этери Рубинская [8, с. 146], каждая страна определяет свои критерии для определения квалифицированных и высококвалифицированных, поэтому в рамках данного исследования договоримся, что в отношении высшего образования третий уровень труда будет соответствовать квалификации бакалавра и магистра, а четвертый уровень квалификации PhD (или их эквивалентам).

Устойчивая односторонняя миграция квалифицированной рабочей силы из одной страны в другую получила в научном дискурсе название «утечка мозгов» (brain drain). Впервые термин был использован Британским королевским обществом в отношении только ученых (то есть сугубо высококвалифицированных специалистов),

¹ Глобализация в широком смысле подразумевает поток людей, товаров, услуг, знаний, ценностей, культуры и капитала через границы [20, с. 12]. Илья Ильин отмечает, что глобализация характеризуется укоренением взаимозависимости всех сфер человеческой жизнедеятельности, проявляющейся в создании единого политического, социального, культурного и экономического пространства [3, с. 148]. В свою очередь, как отмечает Цзянь Ли, интернационализация высшего образования способствует углублению глобализационных процессов, являясь инструментом по выстраиванию научно-образовательных партнерств между государственными и негосударственными акторами, развитию межкультурных навыков общения и созданию международного сознания между индивидами и социальными группами [20, с. 13].

мигрировавших из Великобритании в США и Канаду в середине XX в. Впоследствии под «утечкой мозгов» стали понимать отток всех индивидов, имеющих высшее образование (квалифицированных специалистов), за рубеж [19, с. 132]. С целью упрощения понятийного аппарата под «утечкой мозгов» будет пониматься отток студентов всех форм и уровней высшего образования за рубеж, которые интегрировались в принимающую страну и не вернулись обратно в страну своего происхождения. А для обозначения агентов, составляющих «утечку мозгов», будет использоваться унифицированное понятие «квалифицированные специалисты», включающее лиц, получающих первую ступень высшего образования (бакалавриат, включая обмены), и лиц, продолжающих обучение по программам высшего образования (магистратура, PhD и обмены).

Невена Красуля, Милица Благоевич и Ивана Радоевич выделяют три основных подхода относительно «утечки мозгов». Согласно первому, появившемуся в 1960-х годах, отток квалифицированной силы носит нейтральный характер для страны-эмигранта, поскольку процент покинувших страну не является критическим: в стране есть люди, которые могут заменить тех, кто уехал, и высока вероятность того, что те, кто уехал, вернутся с новыми «активами» для развития своей Родины [19, с. 133]. Согласно второму подходу, который появился в 1970-х годах, «утечка мозгов» приводит к дисбалансу на международном уровне ввиду того, что богатые становятся богаче, а бедные беднее. Иными словами, это приводит к проигрышу развивающиеся страны, из которых уезжают специалисты в более развитые государства, поскольку маловероятно, что люди, находящиеся в поисках лучшей жизни, вернутся туда, где жизнь лучше не стала. Согласно третьему подходу, появившемуся в 1990-х годах, «утечка мозгов» подталкивает страны к пересмотру образовательных систем, чтобы привлечь «утекшие» кадры обратно, а также способствует выстраиванию сетевых форм взаимодействия между развивающимися и развитыми странами [19, с. 134].

При этом за оттоком квалифицированных специалистов могут стоять социальные, экономические и политические предпосылки [5, с. 104; 19, с. 134]. Однако в отношении международных студентов не всегда фактор нестабильности в той или сфере общественной жизни в их родной стране будет являться стимулом для обучения за рубежом и последующей интеграции (включая натурализацию). Особую роль в данном случае приобретает привлекательность высшего образования, культуры, политической системы, уровня социально-экономического развития государства или будущие перспективы профессионального роста. Например, исследование Бенджамина Малви об угандийских студентах, обучавшихся в Китае, показало, что студенты могут даже не восхищаться культурной привлекательностью принимающей страны, но все равно принимать участие в программах международной студенческой мобильности [22]. Участие в мобильности, безусловно, расширило представление африканских студентов о Китае, но не изменило в корне их скептическое отношение к стране. Угандийские выпускники внесли свой вклад в «мягкую силу» Китая, но не потому, что Китай был симпатичен и привлекателен для студентов, а потому, что трудоустройство и конвертация знаний (например, китайского языка), полученных в Китае, могли помочь им улучшить экономические и личные карьерные возможности в Уганде [22, с. 474]. Это означает, что рациональность также играет определенную роль, становясь актуальным мотивом для принятия студентами решений о том, где учиться за рубежом.

Похожей позиции придерживается Джоанна Уотерс и Рэйчел Брукс: с одной стороны, за мотивацией может стоять «желание укрепить свое социальное положение», а с другой стороны, возможность сметить обстановку и познакомиться с новой академической культурой [28, с. 168]. Например, китайские студенты выбирают США, потому что американские программы предлагают всестороннее образование, фокусирующееся на критическом мышлении и творчестве, в отличие от тех, что

реализуются в Китае [28, с. 170]. Аналогичным образом, британские студенты приводят в качестве мотивации для выезда на учебу за границу продвинутую учебную программу в США. А большинство иностранных студентов, участвующих в программе Erasmus (европейская программа обмена студентами и преподавателями), «рассматривают свое пребывание за границей как побег от давления существующих образовательных режимов» [Там же]. Пренебрегаемые прагматические, личные мотивы и рациональность индивидов (т. е. студентов), которые определяют их выбор места обучения, были самым последним вопросом, кратко рассмотренным в текущей литературе. Как отмечают Бенджамин Малви [22] и Сильвия Ломер [21], этот вопрос играет все более важную роль в современном мире и экономике — ситуации, которая поощряет трудовую мобильность и несет в себе сильный положительный потенциал для планов социальной мобильности индивида. Это специфическое направление в интерпретации выбора и мотивации студенческой мобильности ставит рационального, самомотивированного индивида обратно в центр принятия решений, место, которое в более раннем восприятии, казалось, было зарезервировано для рационального государства и его потребностей в безопасности (студенты рассматривались как агенты той или иной страны и т. д.). В настоящее время существующая литература обнаруживает пробел и указывает на настоятельную необходимость совместного и взаимодополняющего рассмотрения этих двух точек зрения в будущих исследованиях.

Интересным является и вопрос о том, является ли развитие интернационализации высшего образования целенаправленными действиями по выманиванию талантов из других стран или это следствие конкуренции открытого рынка. Например, Дарья Ковба и Екатерина Грибовод подчеркивают, что российское академическое сообщество относится к студенческой мобильности настороженно, поскольку инвестиции в продвижение программ обмена со стороны западных стран несут «стратегическую подоплеку» по формированию «утечки мозгов» из России и лояльности к иностранным государствам [4, с. 24]. Как отмечает ОЭСР, «утечка мозгов» действительно является фактором риска для отправляющих государств, однако, если студенты возвращаются, то они способствуют росту социально-экономического капитала и помогают интегрировать свою страну в глобальные научно-образовательные сети¹. Однако ключевое здесь «если»: к примеру, в странах ОЭСР сосредоточено до 85% квалифицированных мигрантов со всего мира, а их рост с 2000 по 2016 г. составил 108% [8, с. 147]. Этот факт, в частности, подтверждает, что однажды прибывшие квалифицированные специалисты (будь то студенты, получающие образование, или лица, уже имеющие высшее образование) остаются в принимающей стране.

Наряду с термином «утечка мозгов» тесно переплетены и такие понятия, как «мозговая трата» (brain-waste) и «циркуляция умов» (brain-circulation). В первом случае идет речь о квалифицированной рабочей силе, фактический род деятельности которых на новом месте ниже, чем их профессиональная квалификация: например, в 2008 г. 90% мигрантов со степенью магистра и 96% со степенью PhD занимали рабочие позиции в США, не требующие квалификации выше диплома колледжа [19, с. 133]. В свою очередь «циркуляция мозгов» подразумевает двухсторонний поток квалифицированной силы из страны в страну — то есть в данном случае «перемещение мозгов» может рассматриваться скорее как источник выгоды для всех стран, на которые работает индивид [19, с. 136]. Из этого следует, что «мозговая трата» — наименее перспективный результат социальной мобильности

¹ Education at a Glance 2022: OECD Indicators // OECD Publishing, Paris. 2022. P. 219 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/deliver/3197152b-en.pdf?itemId=/content/publication/3197152b-en&mimeType=pdf> (дата обращения: 21.05.2023).

индивидов, поскольку это не приносит пользы ни стране-происхождения индивида, ни ему самому в плане интеллектуального «простоя», потенциал которого, возможно, мог бы быть использован во благо и на Родине эмигранта, если бы не ряд факторов, из-за которых было принято решение уехать. В свою очередь «циркуляция умов» — наиболее идеальная форма обмена человеческим капиталом, от которой теоретически будут в выигрыше все: сам индивид, страна его происхождения и страна временного пребывания.

Подводя черту под теоретическим анализом феномена международной студенческой мобильности как части социальной мобильности, географической миграции и «мягкой силы» государств, стоит отметить, что перетекание человеческого капитала из страны в страну стало обыденным явлением, вызванным либерализацией рынка и общими тенденциями глобализации. Однако односторонняя миграция из развивающихся в развитые страны продолжает усиливать неравенство в системе международных отношений, делая экономически богаче развитые страны, при этом усугубляя социально-экономическое положение развивающихся стран. Это представляет серьезный вызов для последних, правительствам которых необходимо укреплять и развивать научно-образовательные сферы, проводить политику по удержанию талантов и развивать систему поддержки репатриантов [5, с. 106; 7, с. 137; 19, с. 140]. В противном случае поддержание технологического суверенитета и экономического роста станет трудно достижимым.

Методология

Данное исследование основано на сравнительно-историческом методе (философской компаративистике) и методе кейс-стади. В качестве кейсов выступают Россия и Германия, а именно сравнительный анализ международной студенческой мобильности высшего образования между двумя странами. Сбор данных опирается на статистические и документальные источники, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет.

Информационную и эмпирическую основы исследования составили официальные данные и статистическая информация Организации Объединенных Наций (ООН); специализированного учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО); Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; немецкой статистической службы Wissenschaft weltweit и Федерального статистического управления Германии (Statistisches Bundesamt). А также аналитические обзоры и информационные материалы, представленные Немецкой службой академических обменов (DAAD), индекс демократии от британского журнала Economist (Democracy Index), индексы университетов от британского журнала Times Higher Education и британской аналитической компании Quacquarelli Symonds (World University Rankings) и индекс «мягкой силы» от британского консалтингового агентства Brand Finance (Global Soft Power Index).

В ходе исследования были использованы данные таких информационных ресурсов, как официальный сайт Посольства Российской Федерации в Федеративной Республике Германия, портал о высшем образовании в России для иностранных студентов Study in Russia и российский медиахолдинг РБК.

Обсуждение

В январе 2022 г. министр иностранных дел Германии Анналена Бербок на встрече с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым озвучила, что «в Германии обучаются 14 тысяч молодых россиян — такого количества граждан России

больше нет ни в одной другой стране мира». Кроме того, Бербок подчеркнула, что между российскими и немецкими университетами существует порядка тысячи партнерских связей, которые подчеркивают особую ценность образования как важного инструмента в укреплении российско-германских отношений¹. Важность высшего образования как связующего элемента в двухсторонних отношениях России и Германии упоминается и в российском политическом дискурсе. Как отметил Михаил Швыдкой, специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству, посол по особым поручениям, «Германия традиционно — ключевой партнер для России, не только в политико-экономическом смысле, но и в духовном. Это всегда была очень серьезная, глубинная связь интеллектуальных элит двух стран, которая, в общем, принесла очень много пользы человечеству»².

В совместном заявлении Сергея Лаврова и Хайко Мааса в декабре 2018 г. об объявлении российско-германского года «перекрестных» образовательных партнерств было сказано, что научно-образовательное партнерство является «несущим элементом двухстороннего сотрудничества между Россией и Германией»³. В том же месяце правительствами двух государств была подписана Дорожная карта сотрудничества в области образования и науки, установившая стратегию развития российско-германских отношений на 10-летний период на принципах взаимовыгодного партнерства⁴. Одним из направлений Дорожной карты являлись студенческие обмены по принципу «циркуляции умов»⁵. Однако, как показывает анализ статистики, образовательные обмены между Россией и Германией реализовывались скорее по принципу «утечки мозгов», нежели взаимообогащения исходя из неравномерности студенческих потоков, различий в предпочтениях российских и немецких студентов по образовательным направлениям, а также статистических данных, указывающих на интеграцию российских студентов в немецкое общество.

По данным статистических данных ОЭСР и Федерального статистического управления Германии, доступных за 2013–2020 гг., количество российских студентов, зачисленных в университеты Германии, стабильно превышает количество немецких студентов, зачисленных в российские вузы, почти в 30 раз (рис. 1).

Как показывают данные ЮНЕСКО за 2020 г., Германия являлась первой в списке

¹ Срочное заявление Лаврова и МИД Германии по Украине и Северному потоку // Политик: Россия, Украина, США, ЕС [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZsbHu11CmMo* (дата обращения: 26.10.2022). *ПКН: сайт нарушает законодательство РФ.

² Торжественное закрытие перекрестного российско-германского года научно-образовательных партнерств // Университет науки и технологий МИСИС [Электронный ресурс]. URL: <https://misis.ru/university/news/science/2020-09/6928/> (дата обращения: 22.05.2023).

³ Совместное заявление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и Федерального министра иностранных дел Федеративной Республики Германия Х. Мааса о проведении в 2018–2020 гг. российско-германского «перекрестного» года научно-образовательных партнерств от 06 декабря 2018 г. С. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://russia-germany-cooperation.ru/upload/181130_RAM_GE_rus.pdf (дата обращения: 05.03.2023).

⁴ Дорожная карта была приостановлена 25 февраля 2022 г. по инициативе немецкой стороны, как и все сотрудничество с Россией в научно-образовательной сфере в целом по причине начала СВО. Источник: Сотрудничество в сфере образования, науки, исследований и инноваций // Посольство Российской Федерации в Федеративной Республике Германия [Электронный ресурс]. URL: <https://germany.mid.ru/ru/rusger/bilateral-relations/science-cooperation/> (дата обращения: 22.05.2023).

⁵ Российско-Германская Дорожная карта сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Федеральным министерством образования и научных исследований Федеративной Республики Германия от 10 декабря 2018 г. С. 11 [Электронный ресурс]. URL: https://m.minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2018/12/Rossiisko-Germanskaya_dorozhnaya_karta.pdf (дата обращения: 22.05.2023).

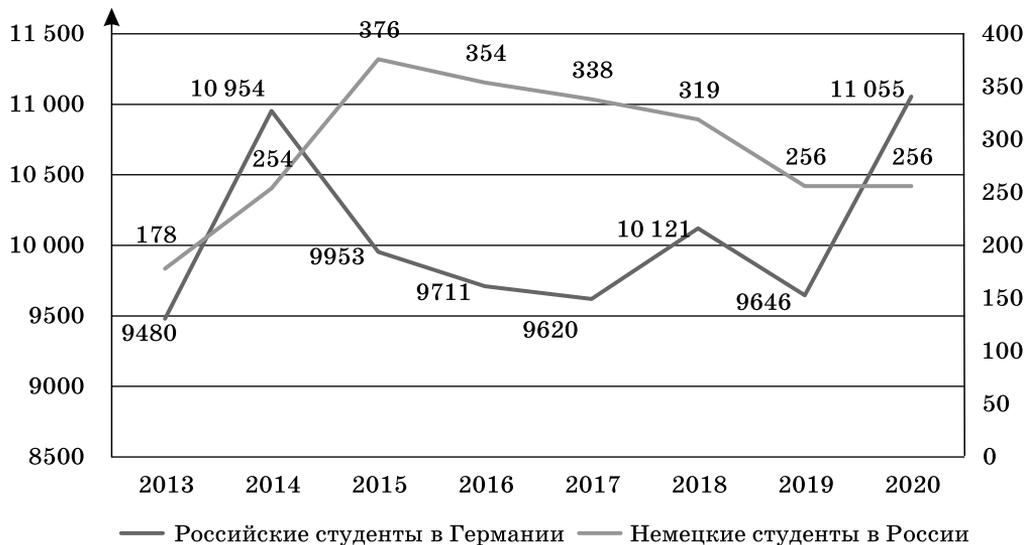

Рис. 1. Российские и немецкие студенты, зачисленные с 2013 по 2020 г.
Fig. 1. Russian and German students enrolled from 2013 to 2020

Источник: составлено автором на основе статистических баз данных ОЭСР (OECD) Enrolment of international students by country of origin // OECD.Stat [Электронный ресурс]. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EDU_ENRL_MOBILE > (дата обращения: 23.02.2023) и Федерального статистического управления Германии (Statistisches Bundesamt) German students studying abroad: Germany, years, study // Statistisches Bundesamt [Электронный ресурс]. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=previous&levelindex=1&step=1&titel=Result&levelid=1684744242631&acceptscookies=falseabreadcrumb> (дата обращения: 23.02.2023).

предпочтений российских студентов, в свою очередь Россия занимала лишь 31-е место в рейтинге образовательных дестинаций немецких студентов¹. Данный факт, в частности, объясняет диспропорцию в студенческих потоках между Россией и Германией, а также идет вразрез с политическим дискурсом о «неоценимом заделе для будущего сотрудничества между россиянами и немцами»² и принципом взаимообогащения («циркуляции умов») двух государств (установленным в рамках билатерального соглашения).

Сравнительный анализ образовательных направлений российских и немецких студентов демонстрирует ряд общих и особенных аспектов (табл. 1). С одной стороны, и российские, и немецкие студенты выбирают для обучения США и Великобританию, что неудивительно, поскольку эти направления являются лидерами по экспорту образовательных услуг на мировой арене (как по количеству международных студентов на территории, так и по количеству вузов в топ-100 глобальных рейтингов университетов). С другой стороны, помимо англо-американских стран, немцы выбирают приграничные государства, такие как Австрия, Нидерланды и Швей-

¹ Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO: Institute for Statistics, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 22.05.2023).

² Из совместного заявления Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и Федерального министра иностранных дел Федеративной Республики Германия Х. Мааса о проведении в 2018–2020 гг. российско-германского «перекрестного» Года научно-образовательных партнерств [Электронный ресурс]. URL: <https://russia-germany-cooperation.ru/uber-das-themenjahr/> (дата обращения: 06.02.2023).

Топ-5 образовательных направлений студентов из России и Германии

Table 1. Top 5 educational areas of students from Russia and Germany

Российские студенты (2020, ЮНЕСКО)	Немецкие студенты (2020, ЮНЕСКО и Wissenschaft weltoffen)
Германия	Австрия
Чехия	Нидерланды
США	Великобритания
Великобритания	Швейцария
Франция	США

Источник: составлено автором на основе статистических баз данных ЮНЕСКО (Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO: Institute for Statistics, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 23.02.2023) и немецкого проекта доступной статистики Wissenschaft weltoffen [Электронный ресурс]. Data // Wissenschaft weltoffen. URL: <https://www.wissenschaft-weltoffen.de/en/data/> (дата обращения: 23.02.2023).

цария. Территориальная близость этих стран, самобытность языка (в случае с Австрией и Швейцарией) или его схожесть (в случае с Нидерландами), по-видимому, объясняют популярность этих направлений у немцев. Что касается российских студентов, то выбор Германии, в первую очередь, можно объяснить доступностью высшего образования: как отмечает Екатерина Антюхова, с 2014–2015 гг. высшее образование в государственных университетах Германии бесплатное для всех студентов — как немецких, так и иностранных [1, с. 43].

Приведенные статистические данные демонстрируют чрезвычайно высокий интерес российских студентов к Германии и экстремально низкий интерес к российскому высшему образованию со стороны немецких студентов. В этой связи целесообразно посмотреть на влияние привлекательности «мягкой силы» высшего образования Германии на формирование «утечки мозгов» из России. Как показывают данные Федерального статистического управления Германии (Statistisches Bundesamt), 47% российских студентов (из 12 тыс.), впервые получивших вид на жительство (ВНЖ) по учебным основаниям с 2006 по 2011 гг., спустя 10 лет все еще находились в Германии (см. рис. 2). При этом, если сравнивать количество вернувшихся студентов обратно домой после обучения в Германии с Турцией, Китаем и США, подавляющее большинство вернувшихся относится к гражданам США — только 14% американских студентов спустя 10 лет продолжают находиться в Германии; далее следуют резиденты Турции (28%) и граждане Поднебесной (30%)¹. Как видно на рис. 2, наибольший отток российских студентов происходил в первые 1–2 года, что демонстрирует спад кривой. В остальной части периода резких колебаний не наблюдается и присутствует медленная тенденция к снижению.

Спустя 10 лет из 5615 российских студентов 12% были натурализованы, 38% получили ВНЖ по семейным обстоятельствам, 37% находились с ВНЖ по рабочим основаниям, 7% продолжали учиться, 3,5% россиян получили ВНЖ со статусом свободного передвижения в рамках законодательства ЕС, 2% находились со статусом в «поисках работы», а остальные 0,5% жили в Германии в рамках междуна-

¹ One third of international students stay in Germany for a longer period // Statistisches Bundesamt. 2022. 12 October [Электронный ресурс]. URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2022/10/PE22_435_12.html (дата обращения: 22.05.2023).

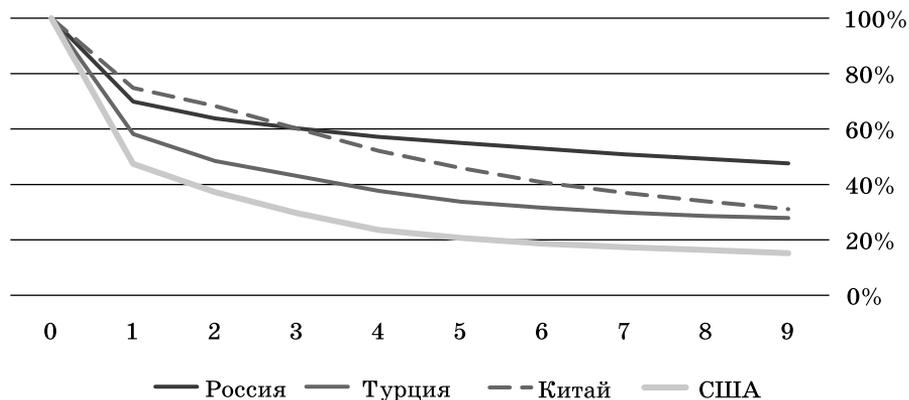

Рис. 2. Доля иностранных студентов, живущих в Германии спустя 10 лет (в процентах)

Fig. 2. Proportion of international students living in Germany after 10 years (percentage)

Источники: One third of international students stay in Germany for a longer period // Statistisches Bundesamt. 2022. 12 October.

родного права, гуманитарных и иных оснований¹. Эти данные являются эмпирическим доказательством того, что студенческий обмен между Россией и Германией не носит взаимовыгодный характер, а скорее способствует оттоку квалифицированной рабочей силы и формированию «утечки мозгов» из России.

Как было упомянуто в литературном обзоре, отток квалифицированной рабочей силы может быть связан с привлекательностью социально-экономической и политической системы иностранного государства. Именно различие в этих сферах может являться ключевой причиной того, почему российские студенты выбирают Германию в качестве образовательного направления и интегрируются в немецкое общество в процессе или после окончания обучения, а немецкие студенты, в свою очередь, испытывают экстремально низкий интерес к высшему образованию в России.

Сравнительный анализ таких критериев социально-экономического и политического развития, как индексы демократии и «мягкой силы», уровень минимального размера оплаты труда и финансовая поддержка студентов в России и Германии, отчетливо показывают, что первая отстает от второй по всем анализируемым критериям (табл. 2). Высокая финансовая поддержка иностранных студентов, доступное высшее образование, распространенность англоязычных программ и перспективы дальнейшего трудоустройства делают немецкое высшее образование привлекательным для российских студентов. В свою очередь, минимальная финансовая поддержка студентов, ограниченность бюджетных квот и лимитированный набор англоязычных программ делает российское высшее образование неперспективным для многих немецких студентов.

Фактор демократизации политической системы (электоральный процесс, механизм сдержек и противовесов, политическая культура, гражданские права и свободы), вероятно, также играет роль в принятии решений студентами при выборе образовательной дестинации, но не всегда ключевую, поскольку Китай с показателем 1,92 по демократии² занимал 9-ю строчку в списке международной студенческой мобиль-

¹ Там же.

² Democracy Index 2022: Frontline democracy and the battle for Ukraine [Электронный ресурс] // Economist Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2022/> (дата обращения: 22.05.2023).

Сравнительный анализ показателей социально-экономического и политического развития России и Германии

Table 2. Comparative analysis of indicators of socio-economic and political development of Russia and Germany

Критерий	Россия	Германия
Индекс демократии (Economist, 2022)	2,28 балла из 10 (авто-кратия)	8,80 из 10 (развитая демократия)
Индекс «мягкой силы» (Brand Finance, 2023)	13-е место из 100	3-е место из 100
Минимальный размер оплаты труда	16 242 руб.	1987 евро
Стоимость высшего образования	Платное, есть бюджетные места на конкурсной основе и квоты для иностранных студентов	Бесплатное (в государственных университетах)
Размер минимальной стипендии	1755 руб. — для граждан России, обучавшихся на бюджетной основе в 2022 г.; 1484 руб. — для иностранных студентов, обучавшихся по квоте Правительства РФ в 2020 г.	Нет государственных академических стипендий. 934 евро — для российских студентов, выигравших грант Немецкой службы академических обменов в 2023 г.
Программы на иностранном языке (бакалавриат и магистратура)	Около 200 программ на английском языке	Около 1700 программ на английском языке
Рейтинг топ-100 университетов мира	0 (Times, 2023) 1 (QS, 2021)	9 (Times, 2023) 3 (QS, 2021)

Источник: составлена автором на основе информационно-аналитических данных, находящихся в открытом доступе в сети Интернет. **Индекс демократии.** Источник: Democracy Index 2022: Frontline democracy and the battle for Ukraine // Economist Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2022/>. **Индекс «мягкой силы».** Источник: Global Soft Power Index 2023 // Brand Finance [Электронный ресурс]. URL: <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2023-digital.pdf>. **МРОТ.** Источники: Федеральный закон от 19.12.2022 № 522-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» и о приостановлении действия ее отдельных положений» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434562/ и Germany has second-highest minimum wage in the EU // Statistisches Bundesamt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.destatis.de/Europa/EN/Topic/Population-Labour-Social-Issues/Labour-market/MinimumWages.html>. **Размер стипендии.** Источники: Поддержка от вуза и государства: какие стипендии могут получить российские студенты // Министерство науки и высшего образования РФ. — 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/obrazovanie/47766/>. Госстипендии для иностранных студентов (бюджетные места — квота Правительства РФ) // Официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов Study in Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://studyinrussia.ru/study-in-russia/scholarships/>. Стипендии для последипломного обучения для выпускников вузов всех специальностей // Немецкая служба академических обменов (DAAD) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.daad.ru/ru/poisk-finansirovaniya/stipendien/ctipendii-dlya-poslediplomnogo-obuchen/>. **Программы на иностранном языке.** Источники: Образовательные программы // Официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов Study in Russia [Электрон-

ный ресурс]. URL: <https://studyinrussia.ru/study-in-russia/programs/>. International programmes in Germany 2022–2023 // German Academic Exchange Service [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.daad.de/deutschland/studienangebote/international-programmes/en/>. **Глобальный рейтинг университетов**. Источники: World University Rankings 2023 // Times Higher Education [Электронный ресурс]. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2023/world-ranking!/length/100/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/scores. QS World University Rankings // Education Index: образование за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.educationindex.ru/articles/university-rankings/qs/>.

ности немцев в 2020 г.¹, в то время как Россия была в тридцатке списка. Можно предположить, что в данном случае играет роль фактор привлекательности азиатской культуры, китайского языка и подъема Китая как одного из ключевых игроков на мировой арене, включая восприятие страны, образ в глобальной информационной повестке, репутацию и узнаваемость бренда страны. Также нельзя исключать и глубоко рациональный подход студентов при выборе образовательного направления: студенты могут сопоставлять, какое направление и форма обучения в будущем окупят их капитал, вложенный в высшее образование, и позволят продвинуться по социальному и профессиональному статусу (например, как в случае с угандийскими студентами, рассмотренными в литературном обзоре).

Индексы «мягкой силы» — еще один (комплексный) инструмент оценки показателем социально-экономического и политического развития, ставший первой попыткой измерить нематериальные активы «мягкой силы» государств, предложенные Джозефом Наем. К одним из таких относится Глобальный индекс «мягкой силы» от британского консалтингового агентства Brand Finance. Детальная методология данного рейтинга не раскрывается в открытом доступе, однако базовые параметры измерения известны — это узнаваемость, репутация и влияние, и восемь отраслевых блоков (управление, международные отношения, образование и наука, культура, СМИ, бизнес, экология, люди и ценности), включающие свои критерии оценки. В качестве сбора данных Агентство использует опросы и экспертное мнение, как указывается, в сумме 110 000 чел. из более 100 стран мира. В общем индексе 2023 г. Россия занимает 13-е место. Самый сильный российский показатель — «развитие космоса» (2-е место) в отраслевом блоке «образование и наука», а также «узнаваемость» и «влияние». Самыми низкими показателями являются «репутация» (упала с 23-го места в 2022 г. на 105-е в 2023 г.), «управление», «СМИ», а также «люди и ценности». Таким образом, можно предположить, что особенности российской «мягкой силы» и ее индекса демократии, скорее всего, не способствуют привлекательности высшего образования среди либерально настроенных студентов из Германии, а, наоборот, заостряют фактор личной безопасности.

Рейтинги университетов также способствуют привлечению международных студентов, поскольку являются показателем качества высшего образования, репутации, престижа и узнаваемости вузов, а также развитости технологической базы [12]. В глобальный рейтинг университетов от британской компании Times в 2023 г. в топ-100 не вошел ни один российский университет, а в индексе от другой британской организации Quacquarelli Symonds в 2021 г. в топ-100 вошел только один российский университет — МГУ им. Ломоносова, заняв 74-е место. Исходя из оцениваемых критериев, Московский университет уступает по проценту цитирования на одного преподавателя (7,4 балла из 100) и количеству иностранных научно-педагогических кадров (20,1 балла из 100)².

¹ Data // Wissenschaft weltoffen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wissenschaft-weltoffen.de/en/data/> (дата обращения: 22.05.2023)

² QS World University Rankings // Education Index: образование за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.educationindex.ru/articles/university-rankings/qs/> (дата обращения: 22.05.2023).

Российский политический дискурс в отношении «утечки мозгов» противоречив. С одной стороны, политическая элита признает существование данного феномена в России. Например, Владимир Путин в 2020 г. заявил, что «утечка мозгов» имеет место быть и связана с посредственными условиями труда: «рыба ищет где глубже, а человек — где лучше», — сказал Путин, — заключив, что выхода из ситуации два: либо устанавливать железный занавес по опыту СССР, либо повышать уровень заработной платы¹. Другой пример связан с выходом России из Болонской системы в мае 2022 г.: по мнению председателя Законодательного собрания Санкт-Петербурга Александра Бельского, основная причина выхода из европейского образовательного пространства — нежелание России больше поощрять «утечку мозгов» из своей страны². С другой стороны, «утечка мозгов» отрицается. К примеру, Валерий Фальков, министр науки и высшего образования России, считает некорректным относить к «утечке мозгов» всех лиц, имеющих высшее образование, поскольку, по его мнению, под данным феноменом следует понимать отток только ученых, то есть лиц, имеющих ученые степени кандидата и доктора наук, — дефицита которых в России не наблюдается³.

Выводы

Автор приходит к выводу о том, что студенческие обмены между Россией и Германией не способствуют взаимному обогащению друг друга, а скорее играют роль оттока интеллектуальных ресурсов для первой и прироста квалифицированной рабочей силы для второй. Германия является приоритетным образовательным направлением среди российских студентов: ежегодно в университеты Германии зачисляются около 10 тыс. студентов из России (а по разным оценкам, и более). В свою очередь Россия не поднимается выше 30-го места в предпочтениях немецких студентов. Спустя 10 лет, почти 50% российских студентов, получивших вид на жительство по учебным основаниям с 2006 по 2011 гг., все еще находились на территории Германии по разным основаниям: были натурализованы и отказались от российского гражданства, обзавелись семьей, трудоустроились, продолжили учиться, находились в поисках работы, получили разрешение на свободное передвижение в рамках законодательства ЕС, международного права, гуманитарных и иных оснований.

Результаты проведенного анализа статистических и информационно-аналитических данных свидетельствуют о неблагоприятных социально-экономических и политических тенденциях развития в России, которые могут быть предпосылками оттока квалифицированной рабочей силы из России (интеграции российских студентов в немецкое общество, в частности). Разница в уровне социально-экономического развития и особенностях политической системы России и Германии является наиболее вероятной причиной экстремально высокой привлекательности немецкого высшего образования среди российских студентов и, в то же время, чрезвычайно низкой привлекательности и перспективности российского высшего образования для немецких студентов.

¹ Тадтаев Г. Путин назвал два возможных пути предотвращения «утечки мозгов» // РБК. 2020. 27 фев. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/02/2020/5e5764309a794785623267d3> (дата обращения: 11.02.2023).

² Воробьева Ю. Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснется // РБК. 2022. 28 мая. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения: 11.02.2023).

³ Губернаторов Е., Заброда А. В Минобрнауки проанализируют причины «утечки мозгов» из России // РБК. 2021. 27 авг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/08/2021/61279e329a79472beed00662?ysclid=ldvijxouhf985758931> (дата обращения: 11.02.2023).

Хотя выявленные доказательства «оттока талантов» из России не являются повальными, они, тем не менее, свидетельствуют о развитии данного тренда в России, на что федеральные и региональные государственные органы власти должны обратить пристальное внимание.

В качестве **рекомендаций** по сохранению интеллектуального капитала страны и привлечению международных студентов предлагается следующее:

- 1) способствовать повышению качества программ высшего образования: необходимо привлекать иностранных методистов и научно-педагогические кадры из зарубежных вузов для имплементации лучших мировых образовательных практик; налаживать межвузовские партнерства, наращивая студенческую и педагогическую мобильность; актуализировать образовательные программы в соответствии с востребованными компетенциями на рынке труда;
- 2) поэтапно увеличивать количество бюджетных квот по направлениям высшего образования как для российских, так и для иностранных граждан;
- 3) повышать размер минимальных академических стипендий по программам очного обучения: минимальные стипендии должны соответствовать расходам на общежитие, общественный транспорт и базовую продовольственную корзину;
- 4) способствовать возвращению талантливых и квалифицированных соотечественников обратно в Россию;
- 5) внедрять образовательные программы на иностранном языке для быстрой адаптации и интеграции международных студентов в российское общество; а также продвижения российской повестки, формирующей политико-идеологические установки студентов (целесообразно обратиться к опыту Института общественных наук при ЦК КПСС и Немецкой службы академических обменов);
- 6) способствовать продвижению национального образования за рубежом при помощи инструментария «мягкой силы», территориального маркетинга и брендинга. В качестве конкретной меры рекомендуется создать независимую от правительства (или формально независимую) отечественную службу студенческой мобильности, например, в форме ассоциации российских вузов и студенческих объединений. Неправительственный статус организации будет способствовать формированию доверия и привлекательности со стороны мирового сообщества.

За основу будущих исследований могут быть взяты следующие вопросы: во-первых, насколько фактическое социальное положение мигрировавших российских граждан соотносится с их профессиональной квалификацией; во-вторых, какое место занимает фактор демократизации политической системы в принятии студентами решений в выборе образовательного направления, а также фактор рациональности как таковой.

Литература

1. *Антюхова Е. А.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Германии // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 41–45.
2. *Животовская И. Г.* Международная миграция в условиях современной глобализации: динамика и социально-экономические последствия // Глобализация как фактор социальных перемен в современном мире : Сб. обзоров и реф. / Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. глобальных проблем; отв. ред. Веселовский С. Я. М., 2012. С. 128–180.
3. *Ильин И. В.* Основы глобалистики : учеб. пособие. М. : Издательство Московского университета, 2021. 303 с.
4. *Ковба Д. М., Грибовод Е. Г.* Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы» // Образование и наука. 2019. № 21 (10). С. 9–31.
5. *Колтакова А. А.* «Утечка мозгов» как социальная проблема // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2021. № 13. С. 103–106.

6. Мартыненко О. О., Жукова Н. В. Управление академической мобильностью в вузах // Университетское управление: практика и анализ. 2008. № 1. С. 65–75.
7. Оганян А. А. Проблема «утечки мозгов» в мировой экономике // Известия Института систем управления СГЭУ. 2019. № 2 (20). С. 134–137.
8. Рубинская Э. Д. Высококвалифицированные специалисты как ключевой фактор конкурентоспособности стран: мировой опыт привлечения // Государственное и муниципальное управление. Уч. Зап. 2020. № 1. С. 146–153.
9. Рустамова Л. Р. Мягкая сила и публичная дипломатия: учеб. пособие. Москва : КНОРУС, 2021. 252 с. (магистратура и аспирантура).
10. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
11. Степутьев А. Ф. Теоретические основы понятия «конкурентоспособность работников» // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 2. С. 239–254.
12. Торкунов А. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Российский совет по международным делам (РСМД). 2013. 27 февраля.
13. Троянская М. А. Миграция населения: понятие, виды и значение территорий // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. № 2 (35). С. 356–360.
14. Atkinson C. Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs 1980–2006 // Foreign Policy Analysis. 2010. N 6 (1). P. 1–22.
15. Bellamy C. and Weinberg A. Educational and Cultural Exchanges to Restore America's Image // The Washington Quarterly. 2008. N 31 (3). P. 55–68.
16. Crowley-Vigneau A., Baykov A. A., Kalyuzhnova E. "That'll Teach Them": Investigating the Soft Power Conversion Model through the Case of Russian Higher Education // Высшее образование в России. 2022. № 31 (1). С. 120–140. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-120-140.
17. Deudney D., Ikenberry J. The nature and sources of liberal international order. Review of International Studies. 1999. N 25. P. 179–196.
18. Gibson J., McKenzie D. The economic consequences of brain drain of the best and brightest: Microeconomic evidence from five countries // World Bank Policy Research Working Paper. 2010. 5394. P. 1–46.
19. Krasulja N., Blagojevic M., Radojevic I. Brain-drain: The positive and negative aspects of the phenomenon // Ekonomika. 2016. N 62 (3). P. 131–142.
20. Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education: Globalization and Universities in China and the World. Singapore: Springer, 2018. 251 p.
21. Lomer S. Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis // Higher Education. 2017. N 74 (4). P. 581–598.
22. Mulvey B. International Higher Education and Public Diplomacy: A Case Study of Ugandan Graduates from Chinese Universities. Higher Education Policy. 2020. N 33. P. 459–477.
23. Nye J. S. Bound to lead: The Changing Nature of American Power // Basic Books, A Member of Perseus Books, L. L. C. 1990. 307 p.
24. Nye J. S. Soft Power and Higher Education // Forum for the Future of Higher Education (Archives). International, Policy and Law. 2005.
25. Nye J. S. Soft Power the Means to Success in World Politics. New York : Public Affair, 2004. 216 p.
26. Nye J. S. The Future of Power. New York : Public Affair, 2011. 300 p.
27. Raimzhanova A. Hard, Soft, and Smart Power — Education as a Power Resource. Peter Lang, 2018. 179 p.
28. Waters J., Brooks R. Student Migrants and Contemporary Educational Mobilities. Palgrave Macmillan, 2021. 264 p.

Об авторе:

Савельчев Леонид Александрович, студент магистратуры факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Isavelchev-17@edu.ranepa.ru.

References

1. Antyukhova E. A. Education as a tool of "soft power" in German foreign policy // Bulletin of Tomsk State University. History [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya]. 2019. N 57. P. 41–45 (in Rus).

2. Zhivotovskaya I. G. International migration in the conditions of modern globalization: dynamics and socio-economic consequences // Globalization as a factor of social change in the modern world: Collection of reviews and references. Center for scientific and informational research of global and regional problems. Department of Global Problems, ed. by Veselovskiy S. Y. Moscow. 2012. P. 128–180 (in Rus).
3. Ilyin I. V. Fundamentals of globalistics: textbook. M. : Publishing house of Moscow University, 2021. 303 p (in Rus).
4. Kovba D. M., Gribovod E. G. International academic mobility through the prism of “soft power” theory // Education and Science [Образование и наука]. 2019. N 21 (10). P. 9–31 (in Rus).
5. Koltakova A. A. “Brain drain” as a social problem // Sociology in the modern world: science, education, creativity [Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo]. 2021. N 13. P. 103–106 (in Rus).
6. Martynenko O. O., Zhukova N. V. Managing academic mobility in universities // University governance: practice and analysis [Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz]. 2008. N 1. P. 65–75 (in Rus).
7. Oganyan A. A. The problem of “brain drain” in the global economy // Proceedings of the Institute of Management Systems of the Samara State University of Economics [Izvestiya Instituta sistem upravleniya SGEU]. 2019. N 2 (20). P. 134–137 (in Rus).
8. Rubinskaya E. D. Highly skilled specialists as a key factor in the competitiveness of countries: world experience of attraction // State and Municipal Management. Scientific Notes [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski]. 2020. N 1. P. 146–153 (in Rus).
9. Rustamova L. R. Soft power and public diplomacy: textbook. Moscow: KNORUS, 2021. 252 p. (for master's and PhD studies) (in Rus).
10. Sorokin P. A. Man. Civilization. Society / Edited by A. Y. Sogomonov. Translated from English Moscow: Politizdat, 1992. 543 p. (in Rus).
11. Stepus' A. F. Theoretical Foundations of the Concept of “Employees' Competitiveness” // Bulletin of Udmurtian University [Vestnik Udmurtskogo universiteta]. 2007. N 2. P. 239–254 (in Rus).
12. Torkunov A. Education as an instrument of “soft power” in Russia's foreign policy // Russian International Affairs Council [Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)]. 2013. 27 February (in Rus).
13. Trojanskaya M. A. Migration of population: concept, types and significance of territories // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management [Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie]. 2021. N 2 (35). P. 356–360 (in Rus).
14. Atkinson C. Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs 1980–2006 // Foreign Policy Analysis. 2010. N 6 (1). P. 1–22.
15. Bellamy C. and Weinberg A. Educational and Cultural Exchanges to Restore America's Image // The Washington Quarterly. 2008. N 31 (3). P. 55–68.
16. Crowley-Vigneau A., Baykov A. A., Kalyuzhnova E. “That'll Teach Them”: Investigating the Soft Power Conversion Model through the Case of Russian Higher Education // Higher education in Russia. 2022. N 31 (1). P. 120–140. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-120-140.
17. Deudney D., Ikenberry J. The nature and sources of liberal international order. Review of International Studies. 1999. N 25. P. 179–196.
18. Gibson J., McKenzie D. The economic consequences of brain drain of the best and brightest: Microeconomic evidence from five countries // World Bank Policy Research Working Paper. 2010. 5394. P. 1–46.
19. Krasulja N., Blagojevic M., Radojevic I. Brain-drain: The positive and negative aspects of the phenomenon // Ekonomika. 2016. N 62 (3). P. 131–142.
20. Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education: Globalization and Universities in China and the World. Singapore: Springer, 2018. 251 p.
21. Lomer S. Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis // Higher Education. 2017. N 74 (4). P. 581–598.
22. Mulvey B. International Higher Education and Public Diplomacy: A Case Study of Ugandan Graduates from Chinese Universities. Higher Education Policy. 2020. N 33. P. 459–477.
23. Nye J. S. Bound to lead: The Changing Nature of American Power // Basic Books, A Member of Perseus Books, L. L. C. 1990. 307 p.
24. Nye J. S. Soft Power and Higher Education // Forum for the Future of Higher Education (Archives). International, Policy and Law. 2005.
25. Nye J. S. Soft Power the Means to Success in World Politics. New York : Public Affair, 2004. 216 p.

26. Nye J. S. The Future of Power. New York : Public Affair, 2011. 300 p.
27. Raimzhanova A. Hard, Soft, and Smart Power — Education as a Power Resource. Peter Lang, 2018. 179 p.
28. Waters J., Brooks R. Student Migrants and Contemporary Educational Mobilities. Palgrave Macmillan, 2021. 264 p.

About the author:

Leonid A. Savelchev, Master's Student at Faculty of International Relations and Political Studies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); lsavelchev-17@edu.ranepa.ru